

образно, может быть, даже не столь прямолинейно, как названные выше писатели, но в многообразных жанровых планах и зачастую в очень неожиданной идейной связи. Его лирика, проза и драматургия, каждая по-своему, замечалась, воссоздавалась на чуждых языках, вызывала на соревнование литературных деятелей разных стран. Мировое значение Пушкина раскроется для нас только тогда, когда мы изучим в отдельности все многообразные формы его воздействия на различные литературы мира и все особенности его усвоения в каждой из них. Некоторые литературы только в последние годы начинают приобщаться к его творчеству, и формы его воздействия еще недостаточно определились. Таковы, например, литературы современной Индии. В 1958 г., например, на язык хинди переведены были и изданы «Цыганы» — первое произведение Пушкина на этом языке; годом ранее в Калькутте издан был впервые на бенгальском языке томик прозы Пушкина, переведенной молодым переводчиком Шунилем Бхоттачарджи⁴. Выбор произведений Пушкина для перевода на бенгали в этом издании кажется несколько случайным: сюда вошли «Пиковая дама», «Кирджали», «Арап Петра Великого» и «Роман в письмах». Почему переводчик остановился на этом последнем произведении? Это остается для нас не очень ясным; тем не менее здесь нет, вероятно, никакой случайности, как и в том, что в арабской литературе после единственно переведенного на арабский язык в 30-х годах «Арапа Петра Великого» в конце 50-х годов в Сирийском районе Объединенной Арабской Республики появился перевод «Капитанской дочки».

Смысл моего краткого выступления в том, чтобы показать на нескольких наудачу выбранных примерах, что проблема «Пушкин и мировая литература» представляется весьма важной и крайне привлекательной для советского литературоведения. Доклад Я. Е. Эльсберга, поставивший эту проблему, очень интересен и плодотворен, но, с моей точки зрения, выставленные автором положения, несомненно правильные во многих отношениях, а кое в чем и спорные, должны были бы быть проверены на большем и более разностороннем материале. В этом смысле нам необходимо шире пользоваться и зарубежной литературой о Пушкине, с которой мы знакомы поверхностно и данными которой, с естественной критической осторожностью, нам необходимо пользоваться более систематически.

Ю. Г. Оксман

НАСЛЕДИЕ ПУШКИНА И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Доклад Я. Е. Эльсберга «Пушкин и развитие мировой литературы» обсуждается на конференции, имеющей большое теоретическое значение, подводящей первые итоги нашим изучениям проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур.

Ответственность и острота доклада определяется прежде всего тем, что, избрав объектом своего исследования Пушкина и его роль в развитии мировой литературы, Я. Е. Эльсберг должен был исторически и теоретически осмыслить самый факт далеко не достаточного знакомства деятелей передовой литературы Запада и Востока с литературным

⁴ В. Новикова. Пушкин на бенгальском языке.— «Русская литература», 1958, № 2, стр. 209—211.

наследием величайшего русского поэта. Воздействие творческих достижений Пушкина на мировую литературу как при жизни поэта, так и в течение ста с лишним лет после его смерти оказалось не адекватным его вкладу, как писателя новатора, гениального выразителя идей и чаяний своего народа, в развитие мирового искусства.

Пафос доклада Я. Е. Эльсберга определяется глубоким убеждением исследователя в том, что в связи с гигантским авторитетом, который русский язык и русская литература приобрели во всем мире после Великой Октябрьской социалистической революции, пути приобщения к литературному наследию Пушкина становятся все более и более широкими, а тем самым усиливается и воздействие великого русского поэта на национальные литературы не только Западной Европы, но и стран Азии, Африки и Америки. Этот прогноз представляется нам совершенно естественным, особенно при учете в том же аспекте путей и формы воздействия античной литературы — на литературу Возрождения, французской классической лирики и драматургии XVII в. — на русскую литературу XVIII в., влияния Шекспира на мировую драматургию XIX в., Чехова — на современную английскую литературу, Маяковского — на лирику латино-американских стран и т. д.

Пушкин, писал Белинский в своем известном обзоре «Русская литература в 1841 г.», «принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего»¹.

Белинский имел в виду, конечно, только русскую культуру и русских читателей, осваивающих литературное наследие Пушкина. Теоретики и историки литературы наших дней могут и должны толковать эти строки гораздо шире, — в свете наших дискуссий о взаимодействии тех или иных деятелей национальных литератур на разных исторических этапах. В этой связи я хотел бы обратить внимание на один из тезисов Я. Е. Эльсберга, который, как мне кажется, не получил в его работе должного раскрытия, так как был сформулирован слишком общо, без конкретных примеров, без ориентации на литературу как искусство. Я имею в виду самую постановку вопроса о воздействии Пушкина на мировую литературу не его времени, а позднейших этапов ее развития, когда это влияние, говоря словами Я. Е. Эльсберга, «сказалось и сказывается во многом не непосредственно, а через великих преемников Пушкина, через творчество Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова, Горького в первую очередь»².

Мне хотелось бы конкретизировать эти интересные соображения на основании вспомнившейся мне брошюры А. Моруа о Тургеневе, вышедшей в свет в Париже, кажется, в 1931 г. Характеризуя новаторство Тургенева-романиста, А. Моруа отмечал как одно из величайших достижений Тургенева, как его вклад в искусство романа многоплановость показа его героев, которые не только судят себя сами (внутренние монологи, исповедь, дневники), не только подвергаются авторскому суду, но являются еще и постоянными объектами наблюдений других персонажей произведения. Так, например, Рудина судят его друзья и враги,

¹ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. V, М., АН СССР, 1954, стр. 555.

² Я. Е. Эльсберг. Пушкин и развитие мировой литературы. М., 1960, стр. 25.

знавшие его в разные периоды жизни, любящая его девушка, его судят даже случайные свидетели его героической смерти на баррикадах в Париже. А. Моруа здесь неправ только в одном — новаторство, приписываемое им Тургеневу, на самом деле является открытием Пушкина, как автора «Евгения Онегина».

В докладе Я. Е. Эльсберга роману «Евгений Онегин» уделено много внимания, причем некоторые выводы исследователя, противостоящие соображениям Г. А. Гуковского о «Евгении Онегине» как о «первом реалистическом романе мировой литературы», представляются мне совершенно правильными. Конечно, «Евгений Онегин» — роман реалистический, но «первым», как полагает Эльсберг, «его можно считать только в том случае, если отнести зарождение реализма к началу XIX в. Однако Г. А. Гуковский утверждает в сущности нечто большее: с его точки зрения, это — первый роман критического реализма». В своей полемике с этим тезисом Гуковского Я. Е. Эльсберг подчеркивает «особый склад» реализма Пушкина.

Вопрос о специфике «реализма» Пушкина вообще, а романа «Евгений Онегин» в особенности, принадлежит к числу интереснейших проблем русской литературы XIX в., проблем, имеющих огромное значение и для истории литературы мировой. Вопрос этот решается по-разному, в самое последнее время став предметом большой дискуссии в связи с новыми работами В. В. Виноградова об особенностях реалистического стиля русской художественной прозы 40-х годов, в частности о «Бедных людях» Достоевского. Очень скептически относясь к возможности толкования «Евгения Онегина» как произведения реалистического, В. В. Виноградов, как и его оппоненты, не учитывает, однако, необходимости конкретно-исторического подхода к вопросу о сосуществовании в русской литературе 20-х — 30-х годов XIX в. трех литературно-художественных систем, одна из которых определялась поэтикой классицизма, другая — сентиментализма и третья — романтизма.

Без правильного понимания как борьбы, так и сосуществования этих трех систем не может быть разрешен вопрос и о генезисе русского реализма — все попытки «вывести» русский реализм из тех или иных вариантов поэтики романтизма обречены на неудачу, равно как и поиски корней реализма в традициях русской сатиры XVIII в., связанной в свою очередь с французским просветительским реализмом. Нельзя забывать и того, что в условиях первой четверти XIX в. переживал поздний расцвет и русский классицизм; его крупнейшими представителями являлись поэты и прозаики, которых впоследствии некоторые наши литературоведы наспех и сгоряча, ничего не изучая и не доказывая, провозгласили основоположниками русского реализма.

Русский классицизм, с которым кровно связан был молодой Пушкин, опирался на традиции Державина, Фонвизина и Крылова, а из следующего поколения русских поэтов — на достижения Батюшкова, Гнедича, Катенина, Грибоедова. Давно пора под этим углом зрения пересмотреть и литературно-теоретические высказывания как поэтов декабристов (Рылеева, Кюхельбекера, Ф. Глинки), так и самого Пушкина, ошибочно толкуемые как «романтические». Приведу только один пример: 27 июня 1822 г. Пушкин писал Н. И. Гнедичу, крупнейшему из идеологов русского классицизма этой поры: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной». Принято думать, что под английской словесностью Пушкин разумел Байрона и других английских поэтов-романтиков, переводимых Жуковским. Од-

нако это далеко не так. Говоря о представителях английской литературы, творчество которых входило в это время в орбиту интересов русской литературы, Пушкин явно имел в виду не только Байрона, но и Стерна, Шекспира, Фильдинга.

В докладе Я. Е. Эльсберга очень хорошо аргументирован тезис о том, какую огромную роль в развитии критического реализма в мировой литературе середины XIX в. сыграл синтез эстетических принципов просветительского реализма и романтизма. Исследователь правильно подчеркнул, что в творчестве каждого из больших писателей этот синтез носил «своеобразный и неповторимый характер».

Мне представляется очень значительным и тезис о том, что «идейный духовный склад лучших представителей поколения дворянских революционеров 20-х годов, перейдя из жизни в творчество Пушкина, как бы расцвел здесь, гармонически воссоединившись с внутренним миром самого поэта». Мне пришлось недавно познакомиться с работой венгерского литературоведа Иштвана Шетера, посвященной сравнительно-исторической характеристике Мицкевича и Петефи. Академик Шетер хорошо понимает все своеобразие путей развития литератур Польши и Венгрии первой половины XIX в., что не мешает ему очень тонко охарактеризовать и определенную близость социально-политической и экономической структуры этих отсталых крестьянских стран, в строительстве национально-демократической культуры которых ведущая роль долго принадлежала передовой дворянской интеллигенции. Многие из того, что Иштван Шетер пишет о Мицкевиче и Петефи, оказывается близким тому, что мы знаем о Пушкине и поэтах-декабристах. Результаты изучения литературы первого этапа освободительного движения в России позволяют многое уяснить и в развитии передовой польской и венгерской литературы, каждой в отдельности и в их исторических взаимосвязях.

Н. Л. Степанов

ПУШКИН И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ РЕАЛИЗМ

Работа Я. Е. Эльсберга знаменательна, значительна и интересна тем, что проблема стиля, проблема художественного метода поставлена им в плане сочетания элементов мировоззрения и словесно-художественной специфики.

Мне представляется совершенно правильным рассматривать вопрос о значении Пушкина в развитии мировой литературы не в плане отдельных эмпирических сопоставлений, сюжетных или идейных мотивов, как часто встречалось в пушкиноведении. Сама идея показать место Пушкина в мировой литературе как некоем едином целом чрезвычайно интересна. Но для этого, естественно, требовалась бы более широкая и подробная характеристика западноевропейской литературы данного этапа.

Естественно, что в пределах одного доклада эти возможности не могли быть реализованы, и Я. Е. Эльсберг ограничился в сущности некоторыми сравнениями творчества Пушкина с творчеством Бальзака, Стендаля, Гете и Дидро.

Плодотворна постановка вопроса об эволюции просветительского реализма. Этот термин уже применялся в ряде работ о западной литера-

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ВЗАИМОСВЯЗИ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУР

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

11—15 января 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961